

in its praise.⁴⁵ My last memories connected with Dmitrii Sergeevich are post-mortem, when I accepted an invitation to present at the second conference held in his memory in Pushkinskii Dom in late November 2003.⁴⁶ This was more than just another academic conference: for many it was a ceremonial and emotional occasion dedicated to burnishing the memory of his life and accomplishments. When the academic proceedings ended, participants were invited to attend a memorial church service and then participate in a candle-lit graveside prayer ceremony in the misty pines of the November twilight at the cemetery in Komarovo which is also the resting place of Anna Akhmatova.

УДК 82-94 + 09 + 930

Даниель Уо

УВЛЕЧЕНИЯ ЮНОСТИ И К ЧЕМУ ОНИ ПРИВЕЛИ: АВТОБИОГРАФИЯ

Автобиография, которую предлагает читателю видный американский исследователь, специалист в области древнерусской книжности Даниэль Уо, нетривиально показывает сочетание личной судьбы и профессионального интереса. События жизни разворачиваются в контексте отечественной и зарубежной русистики, споров и дискуссий исторического и культурологического характера. Перед читателем открывается панорама советской и мировой гуманитарной науки, где противоречиво соединяются доброжелательность и научная объективность с идеологическим противостоянием и мелочными придирками. Прекрасное понимание людей, оценка их достижений делает воспоминания источником по характеристике состояния гуманитарной науки в напряженные годы

⁴⁵ His foreword is in my *The Great Turkes Defiance* [Waugh, 1978, p. 1–4]. He had even earlier complimented my work in overly generous terms at the same time that he expressed bluntly his regret that I had ever gotten involved with Keenan's book («огорчаюсь за участие в книге... Н. Кинана»), whose conclusions (and method) he could not accept (letter of D. S. Likhachev to Daniel Waugh, 23 October 1973). His critique of Keenan's book in the second edition of his *Tekstologiia* [Лихачев, 1983, с. 261–263, примеч. 35] explicitly absolved me from any responsibility for Keenan's ideas (!). While my contribution to the Keenan book was more than adequately acknowledged in it, there were some aspects of my involvement which are not expressly indicated. Since Keenan was away on sabbatical in Europe while the manuscript was being edited and prepared for publication, but I was in Cambridge, I worked very closely with the editor in such things as standardizing references. Moreover, there were some tasks I undertook on Ned's request – locating and assembling the Cicero passages relevant to the question of whether Kurbskii could have cited Cicero as it appeared in texts attributed to him; putting together a draft of the reconstructed text of the first Kurbskii letter published as one the appendices of the book. The very title of the book offended some reviewers; while I may mis-remember, it is possible I first suggested it to Ned when we were discussing the matter. I still have in my archive the “original” editing version of Keenan's manuscript replete with changes he made to the version of the text he had submitted.

⁴⁶ My rather general paper (based on my work concerning Viatka) was published with the others from the conference: «Местное самосознание и “изобретение” регионального прошлого» [Уо, 2006].

«холодной» войны и в постсоветское время. Замечательно показано, насколько пиетет к кропотливому научному труду и взаимоуважение коллег позволяют преодолеть конфликты и разногласия, какого бы генезиса они ни были. Это первая часть воспоминаний, продолжение будет опубликовано в следующем номере.

Ключевые слова: советская гуманитарная наука; Пушкинский Дом; советские историки; рукописное наследие; древнерусская литература.

Это эссе изначально было написано в 2012 г. в качестве вступления к предполагавшемуся репринтному собранию моих ранних публикаций. Такое собрание, несомненно, никогда не появится в печати (большая часть материала доступна в электронной форме на моем сайте), но во время написания эссе я добавлял некоторые комментарии, чтобы дополнить ранние труды и поместить их в контекст. Я также размышлял над вопросом, на который у меня до сих пор нет определенного ответа: как и почему моя карьера развивалась именно так, как развивалась¹. Говоря вкратце, будучи на седьмом десятке, я нахожусь на таком этапе жизни, когда появляется некоторая ностальгия (а также самокритика) в отношении своей молодости. Это эссе далеко не является полной научной автобиографией, потому что жизнь и научная деятельность продолжают, и в настоящее время меня все больше интересует история Центральной Азии, а в особенности – исторический Великий шелковый путь и обмен товарами между странами Евразии. Но это тема для другого разговора. Читателей также необходимо предупредить, что, как любые мемуары, эта автобиография в значительной степени преследует корыстные цели. Авторам мемуаров свойственно желание оправдывать себя и преувеличивать свою значимость. И все же я могу надеяться, что это эссе, по крайней мере, прольет свет на то, как один американский специалист по истории России до Нового времени воспользовался привилегией и возможностью общения с таким количеством выдающихся ученых. Я у них в долгу.

То, как я пришел к истории России до Нового времени, (неблагоразумно) выбрав физику в качестве специализации в Йельском университете, требует краткого объяснения. Я начал изучать русский язык, чтобы читать на нем статьи по физике. Я прослушал первый курс по истории России, потому что сосед по общежитию предложил мне хороший способ выполнить требование о том, что студенты должны познакомиться с различными областями знаний². Одним

¹ Ссылки можно найти по адресу <http://faculty.washington.edu/dwaugh>.

² Я выражаю благодарность Норману Синелу, который жил в соседней комнате (и затем стал юристом) и чей брат Алан (впоследствии выдающийся историк, который изучает образовательную политику Российской империи и работает в Университете Британской Колумбии) в то время писал дипломную работу в Гарварде. Норман предложил нам попробовать «Историю России», обзорный курс, который преподавался в Йельском университете совместно Иво Ледерером, Фирузом Каземзаде и Кристофером Беккером.

из преподавателей этого курса был Фируз Каземзаде, который, когда я впоследствии слушал его курс по экспансии Российской империи, направил меня на путь изучения отношений между Россией и Османской империей³. Мне повезло в итоге оказаться в магистратуре Гарварда в тот год, когда там гостил Джон Феннел из Оксфорда. Он читал лекции и вел семинар по текстуальному анализу русских летописей – предмет, по которому он был одним из величайших специалистов. Конечно же, я увлекся своего рода детективной работой, которая входила в этот предмет; оттуда было легко сделать следующий шаг – посвятить себя диссертации по Московскому государству. Как бы странно это ни звучало, моим официальным руководителем по ней был Роберт Ли Вулф, хотя в действительности им был Эдвард (Нед) Кинан (еще не являвшийся штатным сотрудником и поэтому не имевший права быть научным руководителем). Вулф, специалист по Византии и Балканам, который одно время работал заместителем в Гарварде, когда на факультете не было специалиста по Древней Руси, пользовался дурной славой за строгое отношение к аспирантам. Мне повезло, что он оставил меня в покое и позволил заниматься своим делом, хотя редкие посещения его кабинета в библиотеке «Уиденер» были причиной некоторой тревоги⁴. К тому периоду деятельности его главной страстью было собирать материал и писать труды о романистах ранней Викторианской эпохи.

По сей день я не могу утверждать, что у меня когда-то была особая способность к изучению языков. Гарвардская программа по русскому была на порядок выше Йельской в своих ожиданиях от студента, изучающего язык третий год; поэтому мне пришлось

³ Профессор Каземзаде, иранец и русский по происхождению, публиковал труды по русско-иранским отношениям в начале XX в., после написания докторской диссертации, посвященной событиям в Закавказье во время и сразу же после Октябрьской революции.

⁴ Вулф все же был способен причинять неприятности тем, кто работал под его руководством; классический пример – это случай с Марком Пинсоном, которому приходилось постоянно переписывать главы диссертации и которому в конце концов удалось ее закончить, только убрав Вулфа из комиссии. В моем случае Вулф не хотел видеть диссертацию, пока она не будет закончена, и тогда он сделал лишь несколько предложений об изменениях и благословил ее похвалой, которую, оглядываясь назад, я считаю незаслуженной: «...Я думаю, что это великолепная работа. Даже до включения приложений и библиографии я готов сказать, что работа не только, несомненно, приемлема в своем нынешнем виде, в качестве диссертации, но и что это одна из наилучших диссертаций, которые я когда-либо читал, и, думаю, ближе всех других к итоговой опубликованной книге» (Роберт Ли Вулф – Даниелю Уо, 9 ноября 1971 г.). Возможно, сейчас мой взгляд на диссертацию находится под сильным влиянием своего рода переосмысления этого проекта в свете новых подходов к материалу, который я изучал. По сегодняшним стандартам мой анализ этого материала очень «старомоден». По крайней мере, даже в окончательном печатном варианте диссертации меня смущает множество опечаток – следствие того, что, когда работа была сдана в печать, я был в Ленинграде и не смог проверить окончательный вариант. Тема диссертации такова: «Памфлеты с мотивами Турции в Московском государстве XVII в.: к изучению литературной культуры Московского государства в европейском контексте» [2 т.] (Гарвардский университет, 1972).

«повторить» курс, что я едва ли сделал с отличием, несмотря на необычайную помощь Нины Арутюновой⁵. Если сейчас я говорю по-русски более или менее бегло (хотя он становится хуже и я говорю не очень правильно), этому я во многом обязан длительному времени, которое я провел в Советском Союзе, занимаясь исследованием для диссертации, и тому, что там я женился на русской женщине, с которой мы договорились говорить дома по-русски⁶. Я также записался на курс старославянского языка Хораса Ланта в свой первый семестр магистратуры. Если бы сейчас он был жив, возможно, он пришел бы в ужас, если бы узнал, как много из старославянского я «утратил» из-за недостатка практики и что рецензент моей первой монографии указал на ошибку в моем переводе текста⁷. Я ничего не знал о репутации сурового надзирателя, которая была у Ланта; в действительности он смягчился и всегда хорошо со мной обращался, возможно, снисходительно относясь к историку, который никогда не сможет играть на равных с лингвистами. Момент, запомнившийся мне из курса, никак не был связан с открытием двойственного числа или с изучением аористов – он наступил, когда зазвонили колокола Мемориальной церкви в парке Гарвард-ярд и кто-то зашел в аудиторию и сказал, что президента Кеннеди убили. Во время обучения в магистратуре у меня также была редкая возможность слушать лекции Романа Якобсона. Один его курс был посвящен славянскому язычеству, а другой – русской поэзии начала XX в.: этот предмет он знал отчасти из личного общения с некоторыми поэтами. Мне запомнилось, как в завершение одной из лекций Якобсон описывал свою первую встречу с Маяковским, хотя другие детали этого курса поэзии прошли мимо меня.

⁵ Доктор Арутюнова великодушно разрешила мне посетить в качестве вольнослушателя ее летний курс несколько лет спустя, когда я готовился уезжать для первого года работы над диссертацией в Советском Союзе и очень нуждался в практике разговорного русского. Это сослужило мне хорошую службу, когда я довольно глупо явился в Москву на день раньше даты, которая стояла в моей въездной визе в августе 1968 г., и мне пришлось договариваться, чтобы меня впустили в страну, а не посадили обратно в самолет до Лондона.

⁶ В течение многих лет я нахожусь в большом долгу у тех, кто брал на себя труд исправлять русский язык в моих различных работах и публикациях: это моя бывшая жена Марина Александровна Толмачева (правнучка Александра Петровича Карпинского, который был президентом Российской академии наук / Академии наук СССР в 1917–1936 гг.), Вероника Масхели, Галя Димент, Мария Кожевникова, Варвара Вовина-Лебедева, а также российские редакторы, чей отдельный вклад я не могу определить.

⁷ Моя книга называется *The Great Turkes Defiance: On the History of the Apocryphal Correspondence of the Ottoman Sultan in Its Muscovite and Russian Variants* («Великий вызов турок: К истории апокрифической переписки турецкого султана в московском и русском вариантах»), предисловие к ней написал академик Д. С. Лихачев (Columbus, O. : Slavica, 1978). Рецензия была написана Норманом Ингемом и опубликована в журнале *“Modern Philology”* [Ingham]. Однажды во время курса Ланта по древнерусскому языку, который я слушал в зимне-весеннем семестре 1964 г., мы заметили ошибку, допущенную Сергеем Зеньковским в тексте, который мы читали (в его антологии древнерусских текстов) и Лант со смехом сказал, что, возможно, Гарварду стоит потребовать степень Зеньковского обратно.

Одной из причин того, что я выбрал Гарвард, было изучение турецкого, что я делал под руководством специалиста по истории Османской империи Стенфорда Шоу. Однако я так и не достиг уровня знаний, который позволил бы мне помнить и эффективно использовать язык без постоянной практики⁸. По крайней мере, это способствовало моей заинтересованности в Центральной Азии и в ее культурах – предмете, который сейчас снова является преобладающим в круге моих интересов. Оглядываясь назад, можно сказать, что наибольшее влияние на мой интерес к Великому шелковому пути в более зрелые годы, возможно, оказало не мое посещение курсов Омельяна Прицака и Джозефа Флетчера в качестве вольнослушателя, а, скорее, курсы Олега Грабара по исламскому искусству. Я все еще много о них думал, когда в октябре 2010 г. у меня появилась возможность посетить знаменитую пустынную крепость Кусейр-Амра, принадлежавшую халифам династии Омейядов и расположенную недалеко от Аммана (Иордания). Когда мне нужно было сдавать экзамен по чтению на втором языке для получения докторской степени, я решил самостоятельно учить французский летом: это был более легкий путь, чем вспоминать немецкий, на котором я учился читать во время обучения в бакалавриате. (За тест по французскому я получил что-то вроде C–, но это был проходной балл). Ничего из этого не свидетельствует об очень высоком уровне знаний этих языков, которые мне часто приходится использовать теперь, что все еще дается мне с трудом.

Выбор памфлетов о Турции (*turcica*) периода Московского государства в качестве темы диссертации позволил мне применить свой интерес к туркам Османской империи; но также он имел практическое значение, потому что я хотел заниматься своим исследованием в Советском Союзе. В то время было почти невозможно получить доступ к архивам по внешней политике (в РГАДА), даже если они касались Московского государства; поэтому мне пришлось отказаться от первоначального замысла изучать русско-османские отношения. Благодаря мудрости (если не другому качеству) советских экспертов, оценивавших мою заявку на обменную программу IUCTG (впоследствии IREX), в 1968 г. меня определили в Ленинград, хотя в заявке я указывал Москву. Тем не менее, Ленинград был центром исследований по древнерусской литературе; действительно, меня поместили на филфак (филологический факультет), а не на истфак ЛГУ, под руководство Натальи Сергеевны Демковой. Когда я приехал, она предполагала, что я знал очень мало – что, по стандартам российских специалистов, во многом было правдой. Однако решающую роль для всего последующего развития

⁸ Курс Шоу для магистрантов второго курса, в рамках которого мы начали читать тексты на османском языке, написанные арабской вязью, посещал еще один студент, Картер Финдли, который стал выдающимся специалистом по истории Османской империи в Университете штата Огайо. Я прошел курс по истории Османской империи, который вели Шоу и Вулф. Затем Шоу ушел из Гарварда в Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе, где большая местная армянская община сделала его жизнь несчастной из-за его «протурецких» взглядов на истребление армян во время Первой мировой войны.

событий сыграло полученное мной приглашение на собрания Отдела древнерусской литературы (ОДРЛ), которые проходили в Пушкинском доме (ИРЛИ). Именно там я по-настоящему начал немного понимать советскую научную жизнь и полемику по вопросам, о которых я никогда не смог бы узнать, только читая опубликованные труды.

Помимо этого, возможно, важнейшим результатом моей работы в Ленинграде было то, что я ознакомился с изучением рукописных книг Московского государства. Я пришел к этому плохо подготовленным в том смысле, что я никогда по-настоящему не изучал русскую палеографию (только через несколько лет курс по ней в Гарварде запустил Нед Кинан). Моей единственной подготовкой до приезда в Ленинград в 1968 г. было то, как я продирался сквозь старый, но все еще полезный учебник Беляева по русской скорописи [см.: Беляев]. И когда я получил первую рукопись в Публичке (теперь РНБ, Российская национальная библиотека) – я хорошо ее помню, это была рукопись Погодинского собрания № 1558, – я пришел в ужас, обнаружив, что даже ее довольно четкий почерк было сложно разобрать. Совершенно новым для меня был анализ водяных знаков для датировки рукописи (филигранология); я занялся ей с необъяснимой страстью. В общей сложности, за два года, которые я имел честь провести в Ленинграде в качестве студента по обмену (1968–1969, 1971–1972), в первый год я, несомненно, провел слишком много времени, вслепую пробираясь сквозь кодикологию, и совсем мало времени уделил анализу и переписыванию текстов, которые были предметом моей диссертации. К счастью, во второй год у меня появилась возможность исправить некоторые оплошности.

Возможно, я завоевал доверие в кругах ленинградских ученых, занимавшихся средневековой литературой, прежде всего, просто потому, что проводил много времени в отделе рукописей Публички. Я бы несколько неуважительно (хотя, думаю, не по отношению к русским) пошутил, что рядом с дощечкой на фасаде, на которой написано, что в этой библиотеке проводил время Ленин, нужно установить еще одну, которая обозначит, что и я здесь часами прилежно трудился. Я был там, когда двери только открывались, а когда вечером готовились закрывать библиотеку, мне часто приходилось напоминать, что пора уходить. По крайней мере один раз дежурный библиотекарь стучал мне по голове, чтобы разбудить меня после полудня, когда я дремал за партой. Печальным последствием этого усердия было то, что оно окончательно разрушило мой брак (моя тогдашняя жена, которая жила со мной в Ленинграде, оказалась предоставлена самой себе, а она не была русисткой). Единственным ученым, который провел в отделе рукописей Публички столько же времени, сколько я, была (насколько я помню) Климентина Иванова – болгарский медиевист, которая приехала в Советский Союз на год для описания южнославянских рукописей из Погодинского собрания и в результате обнаружила, что этот вопрос настолько мало изучен, что года на это едва хватит⁹.

⁹ Результатом ее титанических усилий стала следующая работа: [Иванова].

У меня сохранились яркие воспоминания от общения с некоторыми из наиболее выдающихся русских медиевистов XX в., хотя я не буду утверждать, что у нас сложились особенно тесные профессиональные или личные отношения. Я начну с Александра Александровича Зимина. В первые недели после моего прибытия в 1968 г. (когда я еще плохо мог успевать за устным выступлением на научном русском языке) я посетил его лекцию о втором браке Василия III в Институте российской истории (Ленинградском отделении института истории – ЛОИИ)¹⁰. Об этой лекции меня известил его близкий коллега Яков Соломонович Лурье (о котором я подробнее скажу ниже). Хотя я читал некоторые из трудов Зимина о Московском государстве, я мало знал о полемике, которую он вызвал несколькими годами ранее, попытавшись показать, что «Слово о полку Игореве» – это работа конца XVIII в., а не средневековый эпос, во что верило и перед которым преклонялось большинство ученых. Взгляды Зимина натолкнулись на непробиваемую стену несправедливой критики¹¹. Не зная всего этого, я не мог понять, почему, как оказалось, некоторые члены аудитории подстерегали Зимина, будто в засаде. Примечательный обмен репликами состоялся, когда Юрий Константинович Бегунов накинулся на Зимина за то, что тот, предположительно, сфальсифицировал некоторые данные (я не помню деталей), на что Зимин перегнувшись через кафедру и холодно, ровно ответил: «Вы говорите ложь». В другой раз, на защите диссертации в Ленинграде, я слышал, как Зимин (бывший одним из официальных оппонентов) защищал диссертанта от неоправданных нападок своих старых московских «врагов» (и делал это с занимательной иронией)¹². Думаю, до этих случаев я наивно недооценивал, как сильно личные отношения и страсти могут повлиять на то, что в идеальном мире должно быть бесстрастной наукой. Мне было суждено еще больше убедиться в этом на других научных собраниях.

Думаю, я в первый раз встретил Зимина, только когда поехал в Москву в командировку через несколько месяцев после начала своего 1968/1969 обменного года. Когда я вернулся на второй обменный год в 1971 г., я привез с собой доказательства исследования, проведенного Недом Кианом в книге «Апокрифические сочинения Курбского – Грозного» (к которой я написал объемное приложение), чтобы добиться откликов от российских экспертов [см.: Keenan, 1971]. Несомненно, хорошо, что моя мысль о выступлении на эту тему так и не нашла поддержки, потому что я был бы ужасающе неподготовлен к защите книги, которую, подобно книге Зимина о «Слове», обязательно бы отвергло большинство российских ученых-специалистов. Действительно, моя связь с работой Киана (и то, что я упомянул

¹⁰ Затем эта лекция была опубликована [см.: Зимин].

¹¹ Краткое изложение этих событий см.: [Fennell].

¹² О некоторых разногласиях Зимина с коллегами по различным вопросам, относящимся к изучению древнерусских источников, написано в моей работе [см.: Waugh, 1985].

о ней в своем годовом отчете на филфаке весной 1972 г.), должно быть, вывела некоторых из себя¹³. У меня было ясное чувство, что из-за меня Наталью Сергеевну вызвали на ковер; поэтому наши отношения в этот период (но не в последующие годы) были нарочито холодными¹⁴.

И Лурье, и Зимин отозвались о книге Кинана благосклонно, хотя ни тот, ни другой не приняли ее выводов. Среди многих, кто в итоге отозвался на книгу, именно они наиболее серьезно отнеслись к текстуальным

¹³ Я не помню точного содержания этого отчета – думаю, я подчеркнул свое открытие ранее неизвестного письма Ивана IV Стефану Баторию, но поместил это в контекст книги Кинана. Хотя я ожидал обсуждения и вопросов, мой отчет встретили гробовой тишиной (см. мое письмо Кинану от 15 мая 1972 г., отрывок из которого помещен в книге: [Correspondence, p. 63]). Когда я передал для публикации в «Археографический ежегодник» статью, содержащую ранее неизвестное письмо, которое считается письмом Ивана IV Стефану Баторию (сделав это по призыву редактора «Ежегодника» Сигурда Оттовича Шмидта), в своем ответе он указал, что связь письма с книгой Кинана удалили из статьи как непосредственно не относящуюся к данному вопросу. Он написал мне следующее: «...замечания Ваши не имеют отношения к тематике публикации. Спор же с профессором Кинаном может и должен стать темой специальной дискуссии, которая невозможна пока, так как в библиотеки Советского Союза книга Кинана еще не поступила» (С. О. Шмидт – Даниелю Уо, 3 февраля 1972 г.).

Помимо подобных научных вопросов, были и другие возможные причины того, что некоторые хотели держать меня на расстоянии вытянутой руки. Я способствовал попыткам организовать в Ленинграде показ американского документального фильма о первой пилотируемой американской космической миссии, облетевшей Луну. Изначально запланированный показ фильма чуть не привел к беспорядкам в ЛГУ из-за рвения ожидающей толпы; в результате местные власти вмешались и отменили мероприятие. После того, как я женился в Ленинграде в 1972 г., я в течение шести месяцев жил в коммунальной квартире, официально не подтверждая свой адрес и не имея соответствующей прописки. Вероятно, место моего проживания было хорошо известно тем, кто следил за мной. Забавный случай произошел, когда президент Никсон в 1972 г. посещал Ленинград с историческим визитом и других американских стажеров позвали встретить его в аэропорту, а мне недвусмысленно в этом отказали. Агенты Секретной службы США уведомили своих коллег из КГБ, что мне нельзя доверять (возможно, потому что я женился на гражданке Советского Союза).

¹⁴ Моя просьба обещеодной командировке в Москву, чтобы закончить там работу над рукописями, которую в иных обстоятельствах, вероятно, быстро бы одобрили и которую ей нужно было подписать, натолкнулась на трудности. Предлогом было то, что факультет считал, что он не должен ее оплачивать. На самом деле он никогда не оплачивал подобные расходы, и я успешно использовал этот довод, чтобы получить разрешение. В 1975 г., когда Наталья Сергеевна была в Сиэтле со своим мужем-физиком, приехавшим на конференцию, она на несколько дней остановилась у нас в доме. Позже, в Чикаго, она вспомнила захватывающий вид на парк Маунт-Рейнир, который она наблюдала из самолета, покидая Сиэтл, и угостила меня рассказами о том, что интересного они делали в Чикаго. Мы видели друг друга в последний раз, когда несколько лет назад я был в Санкт-Петербурге с туристической группой и Наталья Сергеевна пригласила меня к себе домой. Часть нашего разговора вращалась вокруг ее отзыва на книгу Габриэле Шайдеггер «Последнее время» (*«Endzeit»*), в котором она ссылаясь на меня и Кинана для подтверждения своего скептического отношения к приписыванию Аввакуму работ, которые обычно считаются принадлежащими ему. С этой книгой у меня не было ничего общего (что ясно понимала Наталья Сергеевна). Ее рассердило то, что Шайдеггер никогда не изучала рукописи Аввакума, одним из лучших специалистов по которым была Наталья Сергеевна Демкова.

вопросам, которые в ней были подняты. За исключением Джона Феннела (который также не согласился с выводами, и мнение опытного текстолога нужно было уважать), никто за пределами Советского Союза не подошел к текстуальным вопросам серьезно. Хотя Лурье не написал рецензии как таковой, он опубликовал подробный отзыв в новом издании своей «Переписки»¹⁵. Возможно, не желая усложнять собственное положение в качестве «еретика», Зимин предпочел высказать свою «рецензию» мне устно, чтобы потом я передал ее суть Неду¹⁶. В этой рецензии он тщательно изложил положительные моменты книги, а затем приступил к критике. Нельзя сказать, что Зимин и Лурье полностью сходились во мнениях по всем проблемам, поднятым в книге. Зимин разрешил мне прочитать одно или два письма, которыми он обменялся с Лурье, где, как мне помнится, он бранил Лурье за необоснованные суждения. Он не разрешил мне сделать копии писем.

Когда я встретился с Александром Александровичем в следующий раз, в конце лета 1979 г., от смерти его отделяло несколько месяцев. Он быстро уставал от разговора, в котором он все еще проявлял силу своего ума и нежелание принять работу коллег, которая, по его мнению, не достигала научного уровня. Он все еще жил полемикой вокруг «Слова», все еще не жалея сил критиковал Романа Якобсона за то, что он опубликовал длинную критическую статью о книге Зимина, хотя в то время сама книга еще не была официально издана, и распространил слух о том, что Зимин играл с ключевой рукописью, чтобы доказать свою точку зрения. Видя, как он болен, и потому что приближался его шестидесятый день рождения, я начал организовывать издание юбилейного сборника его статей; его русские коллеги предприняли бы это гораздо раньше, но из-за полемики вокруг «Слова» им бы никогда не дали этого сделать. (Когда том, который они намеревались издать, наконец, вышел после его смерти, на титульном листе все равно не было обозначено, что это юбилейный сборник [см.: Россия на путях централизации...]). К счастью, нам хотя бы удалось сделать хорошо напечатанное оглавление тома, который мы хотели издать для Александра Александровича, примерно за две недели до его смерти в 1980 г. Я все еще храню записку с благодарностью, которую он мне написал. Книга не вышла в печать и в следующие пять лет, отчасти потому что мне было очень сложно написать длинное эссе о работе Зимина, отчасти потому что в мои обязанности входило печатать на нескольких языках подготовленный к съемке оригинал-макет. Благодаря юбилейному сборнику, меня, к моей чести, пригласили вместе с другими занять место за кафедрой на пленарном заседании, открывавшем первую конференцию

¹⁵ Взгляды Лурье и выдержки значительной части отзыва на работу Кинана см.: [Переписка Ивана Грозного].

¹⁶ Мое письмо Кинану от 15 декабря 1971 г. с «рецензией» Зимина см. в книге: [Correspondence, p. 47–50]. Позже Зимин опубликует статью о первом письме Курбского.

в честь работы Зимина в Московском государственном историко-архивном институте (МГИАИ), которую создали в 1990 г.¹⁷

Именно у Зимина в 1969 г. я впервые встретился с Сергеем Михайловичем Каштановым – уже состоявшимся ученым, который благодаря своей необыкновенной продуктивности, широте ума и научной строгости теперь считается одним из лучших специалистов по истории России Средних веков. Через несколько лет я получил удовольствие написать рецензию на его книгу по дипломатике [Waugh, 1973], и во время конференции в честь Зимина 1990 г. я провел вдохновляющий вечер в квартире Сергея Михайловича в компании некоторых других коллег. Любопытно, что незабываемым эпизодом того вечера стала беседа с Ярославом Романовичем Дашкевичем, который ранее предоставил мне очень ценный материал для моей работы над памфлетами о Турции¹⁸. Горячей темой московских телевизионных новостей в мае 1990 г. был Съезд народных депутатов Российской Федерации, хотя в западной прессе данное событие в то время осталось незамеченным. В ходе заседаний Съезда постоянно возникала тема «самоопределения». Я спросил Дашкевича, который пострадал в качестве «диссидента», как скоро Украина получит независимость; он ответил, что «в течение года». Думаю, это послужило одной из причин того, что в следующем летнем семестре я закончил свой обзорный курс по истории России предсказанием, что Советскому Союзу осталось не так долго¹⁹.

¹⁷ Наш юбилейный сборник называется “*Essays in Honor of A. A. Zimin*” («Эссе в честь А. А. Зимина») (Columbus, O. : Slavica, 1985). В то время это было довольно необычное предприятие, потому что такие книги, посвященные советским ученым, почти не выходили за пределами Советского Союза. Некоторые из тех, кто хотел бы принять участие в составлении сборника, не были приглашены исходя из того, что я знал об отношении Зимина к их работе или об их отношении к его деятельности. Замысел состоял в том, чтобы подчеркнуть, с каким уважением относятся к Зимину за пределами Советского Союза (поэтому в сборник не были включены почитатели Зимина из СССР). В противоположность теплому приему, который получили наши «Эссе» 1985 г. среди многих коллег и бывших студентов Зимина, Ричард Хелли воспользовался выходом книги, чтобы возвести клевету на Зимина в рецензии [Hellie], которую такие выдающиеся ученые, как проф. Фэри фон Лилиенфельд и проф. Анджей Поппэ сочли ужасающей (письма Даниелю Уо, соответственно от 7 марта 1987 г. и 22 ноября 1990 г.). Тезисы материалов с Московской конференции были опубликованы как «Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII веков. Тезисы докладов и сообщений Первых чтений, посвященных памяти А. А. Зимина. Москва, 13–18 мая 1990 г.» (М., 1990). К моему некоторому удивлению, мой доклад для этой конференции через несколько лет появился в полной форме в специальном выпуске журнала “*Russian History*” [Уо, 1998], хотя я не присылал ее и не намеревался ее публиковать. Этот выпуск представлял собой второй западный юбилейный сборник в честь Зимина, и я также написал для него краткое введение. Согласно первоначальному замыслу, он должен был быть издан в России, но по различным причинам эта затея провалилась.

¹⁸ В моих папках с перепиской хранится множество длинных писем от Дашкевича, который тщательно переписывал для меня из архивных файлов тексты, необходимые для моей работы по апокрифическим письмам османского султана. Я жалею, что, когда недавно готовился юбилейный сборник в честь Дашкевича, я не смог принять участие в его составлении за неимением подходящей статьи и времени, чтобы составить ее из набросков.

¹⁹ Ясно, что заявления о том, что я предвидел распад Советского Союза, могут столкнуться со скептицизмом, но я думаю, что память меня не подводит. Конечно, на эту оценку повлияли не только майские события в Москве и, если я правильно помню, я промахнулся, полагая, что этот процесс может занять еще около пяти лет.

Когда пришло время составлять список возможных внешних рецензентов для моего последнего повышения в должности (за несколько лет до того, как я ушел в отставку в 2006 г.) для моего отделения, я включил в него Каштанова. Он лучше всех смог бы прокомментировать более специализированную часть моей работы с точки зрения российских ученых, в том числе мою только что вышедшую книгу о Вятке. Мне помнится, что он написал сильное письмо в мою поддержку, которое, должно быть, оказало большое влияние на решение. Затем он опубликовал очень длинную (и не лишённую критики) рецензию на мою книгу – рецензию, которую хочет видеть каждый автор, хотя читать оправданную критику иногда бывает неприятно²⁰.

У меня сохранились яркие воспоминания о Якове Соломоновиче Лурье; я помню его как человека и как увлечённого исследователя, обладающего широтой кругозора и энергией. Не то чтобы мы много встречались и разговаривали, но я слышал его доклады и ответы на вопросы на семинарах в Пушкинском доме и смог присутствовать на нескольких лекциях в рамках спецкурса по русскому летописанию в Ленинградском университете. Студент М. Д. Присёлкова, он, бесспорно, был одним из лучших специалистов по русским летописям (наряду со многими темами, его интересы также включали серьёзное изучение Толстого и Булгакова); его лекции были образцом ясности²¹. Мне немного неудобно, что я написал рецензию на его книгу об общерусских хрониках и включил в нее небольшую долю критики [Waugh, 1977], но затем не ответил Якову Соломоновичу, когда он в письме попросил меня объяснить, что я имел в виду. Темой были тексты о «Стоянии на Угре», в отношении чего я, возможно, просто вторил скептицизму Неда Кинана, который он через много лет раскрыл в статье [см.: Keenan, 2009]. Несмотря на то, что Яков Соломонович был специалистом по текстам, он был готов признать, что кодикология и связанные с ней вспомогательные дисциплины не являются его сильной стороной. Я был очень удивлен и польщен, когда однажды я сидел в отделе рукописей Библиотеки Академии наук в Ленинграде и он подошел ко мне и спросил мое мнение по поводу датировки рукописи Холмогорской летописи, которую он готовил для публикации в «Полном собрании

²⁰ Его рецензия опубликована в журнале «Отечественные архивы» [Каштанов]. У меня есть экземпляр рецензии Каштанова для моего получения должности; помню, что, когда он прислал мне эту рецензию, я не мог отважиться ее прочитать.

²¹ Лурье был одним из первых, кого я разыскал в 1968 г.; насколько я помню, представил меня ему в письме Нед Кинан. Я вспоминаю, что на одном из заседаний Отдела древнерусской литературы, темой которого были русские летописи, между ним и Лихачевым произошел особенно резкий обмен репликами; см. мое письмо Кинану от 5 декабря 1968 г. [Correspondence, p. 26]. Я так и не дослушал этот спецкурс, потому что мне нужно было уезжать в командировку для работы в Москве. В некрологе Лурье Нед Кинан упомянул, что он никогда не занимался преподаванием; в ответ я написал краткое письмо в журнал «Slavic Review» [Letter to the Editor], в котором сослался на мое посещение этого курса. К сожалению, студент-помощник редактора «Slavic Review» ошибся в имени и отчестве А. А. Шахматова в моем письме (где я написал только его фамилию), никогда не слышав о великом ученом прошлого, который исследовал русские летописи и с которым я сравнивал Лурье (в следующем выпуске было напечатано исправление [Erratum]).

русских летописей» [ПСРЛ, т. 33, с. 4, № 8] (а также по поводу идентификации одной из других работ, входящих в эту рукопись). Впоследствии мы имели удовольствие принимать Якова Соломоновича и его жену Ирину Ефимовну Ганелину в качестве гостей в нашем доме, когда они были в США. Затем я получил честь включить в сборник статей в память Лурье статью, посвященную как раз русскому летописанию [см.: Уо, 1997] (эта статья была также напечатана в Кирове в составе собрания).

Карьера Лурье напоминает нам об испытаниях, с которыми столкнулись многие советские ученые – из-за крайнего антисемитизма в последние годы правления Сталина он пережил вынужденный период внутреннего изгнания. Любопытно, что, как нам известно из недавно опубликованной переписки, не кто иной, как старый большевик В. Д. Бонч-Бруевич (в то время директор Музея истории религии и атеизма), рискнул дать Лурье работу, чтобы он смог вернуться в Ленинград. В более старшем возрасте, уже будучи выдающимся пожилым ученым, Лурье вновь пал жертвой официальных санкций и по сути был вынужден уйти в отставку, опрометчиво выступив в защиту ученого, которого обвиняли в «паразитизме»²². В то время как постепенно появляется эпистолярное наследие, мы все еще ждем объемной и, надо ожидать, информативной переписки, которую Яков Соломонович долгие годы вел с Зиминым, который, вероятно, был его ближайшим коллегой²³. Я могу представить, что эти письма придется некоторым не по нраву, потому что обмен мнениями часто был предельно откровенным (и по этой причине мнения иногда излагались эзоповым языком – нечто подобное мы находим среди русской интеллигенции XIX в.).

Среди тех, кто, несомненно, займет важное место в этой переписке, – академик Дмитрий Сергеевич Лихачев, в течение долгого времени бывший заведующим Отдела древнерусской литературы ИРЛИ, написавший много трудов по древнерусской культуре и ближе к концу жизни считавшийся (по данным какого-то голосования) самым уважаемым общественным деятелем Санкт-Петербурга. Хотя сегодня некоторые могут подвергать сомнению его место в наследии Лурье, меня поразило то, что на письменном столе Лихачева в Пушкинском доме есть дощечка, сообщающая, что этот стол принадлежал Алексею Александровичу Шахматову, знаменитому историку, изучавшему русские летописи. Я в большом долгу у Дмитрия Сергеевича; в первую очередь – за возможность посещать собрания Отдела древнерусской литературы, на которых он обычно председательствовал и в конце

²² Чтобы прочесть открывающие многое воспоминания о Якове Соломоновиче и его биографию, см.: [Ганелина]. Переписка с Бонч-Бруевичем была напечатана вместе со вступительным эссе В. Г. Вовиной-Лебедевой [см.: Переписка Я. С. Лурье и В. Д. Бонч-Бруевича].

²³ Как указывает Вовина-Лебедева [см.: Переписка Я. С. Лурье и В. Д. Бонч-Бруевича, с. 216, примеч. 5], переписка между Лурье и Зиминым (оригиналы писем Лурье и ксерокопии писем Зиминых), которая, в сущности, является «дневником» их научной жизни, хранится в архиве Санкт-Петербургского отделения Института истории РАН. В. Г. Вовина-Лебедева, по сути, подготовила переписку для публикации, но ее выход был отложен на неопределенное время из-за сопротивления со стороны вдовы Зиминых, Валентины Григорьевны.

каждого заседания изящно резюмировал дискуссию. В трех случаях я также получил честь представить свою работу.

В первый раз это было краткое изложение моего изучения апокрифической переписки османского султана; хотя мое сообщение было принято вежливо, я почувствовал, что оно также столкнулось с некоторым скептицизмом. Дело в том, что мой главный аргумент был своего рода «ревизионизмом», который, возможно, было сложно принять многим членам аудитории, только что узнавшим о «ереси» Неда Кинана²⁴. Конечно, утверждение о том, что апокрифы представляют собой переводы, а не оригинальные произведения, как считало большинство, имело гораздо меньшее значение, чем предположение о том, что Курбский и Грозный не писали писем друг другу. Несомненно, именно этот отклик на мое сообщение укрепил во мне решение издать целую книгу о переписке султана [Waugh, 1978]²⁵. Это было своего рода крайностью, предпринятой для того, чтобы высказать точку зрения, резюмировать которую, возможно, можно было бы и в статье. В процессе работы над этим материалом я получал теплую поддержку от покойной Марины Давидовны Каган-Тарковской, которая в свое время написала много трудов по апокрифическим письмам. Мой вывод о том, что большая часть писем являются переводами, а не оригинальными произведениями, подорвали ее колоссальное доверие, но она изящно приняла различия между нами²⁶.

Мое второе сообщение для Отдела древнерусской литературы проходило не в Пушкинском доме, а в святая святых отдела рукописей

²⁴ Мое сообщение состоялось 3 ноября 1971 г. Одно из самых серьезных критических замечаний принадлежало А. М. Панченко, который указал на наличие украинизмов в текстах апокрифической переписки с казаками. Эти особенности требовали объяснения, если я был намерен отстаивать точку зрения, что эти письма являются переводами. Я не помню, чтобы Лихачев высказал особенный скептицизм, но, как мне вспоминается, он все же, по крайней мере косвенно, сослался на Кинана. На другом заседании, которое проходило позже в том же году (где А. Л. Гольдберг поставил под сомнение традиционную схему датировки знаменитых посланий Филофея Псковского, который сформулировал теорию «Третьего Рима»), Лихачев заметно расстроился, что подвергается нападкам еще один из общепризнанных столпов в изучении древнерусских писем.

²⁵ Книга была в целом хорошо принята; комментарии в рецензии Чарльза Гальперина из журнала "American Historical Review" были даже слишком доброжелательны.

²⁶ У меня хранится несколько писем, которыми мы обменивались в 1970–1971 гг.; я описывал детали своей работы, а она отвечала на мои вопросы. В письме от 15 февраля 1971 г. она написала: «Все, что Вы пишете о европейских памфлетах, не вызывает у меня возражений, точно так же я не буду настаивать на оригинальности их русских вариантов. Включение их в круг "международной литературы" делает их еще более интересными». Она посвятила свою кандидатскую диссертацию, которую она, в конце концов, защитила в 1975 г., оригинальным апокрифам периода Московского государства (так называемой «Повести о двух посольствах» и апокрифической переписке между Иваном IV и султаном), но не остановилась подробно на других частях переписки султана. Я не знаю точно, но догадываюсь, что на это решение мог повлиять подрыв мной ее интерпретации последних. Она попросила меня написать формальную внешнюю рецензию своей диссертации перед защитой, чтобы представить ее на рассмотрение вместе с другими документами, необходимыми для присвоения степени. Я написал рецензию и прислал ее Д. С. Лихачеву 9 ноября 1975 г. Впоследствии Марина Давидовна вновь предоставила мне помощь в сверке с рукописью текста московского перевода антитурецкой полемики Герасимоса Влахоса, который я отправил для публикации в «Труды Отдела древнерусской литературы» [Yo, 19776]. Печально, что она умерла в возрасте 64 лет в 1995 г.

Публички – в легендарной круглой комнате на углу Садовой улицы и Невского проспекта, где вокруг вас на полках лежат сокровища, а на стенах висят портреты знаменитых русских писателей. Во время моего доклада в 1972 г. на видном месте в комнате стоял скульптурный портрет Владимира Ильича, а через несколько лет, когда я вернулся в ту комнату, чтобы побеседовать с Брониславой Александровной Градовой, раньше работавшей в отделе рукописей, она обратила мое внимание на то, что законное место на пьедестале вернули Александру I. Это стало возможно благодаря тому, что она переместила бюст в Академию искусств. Перестройка и последующие события отправили Ленина в ссылку и вернули царя.

Целью сообщения в Публичке было представить сами рукописи, принадлежавшие к собранию знаменитого археографа Павла Михайловича Строева, который затем продал свои книги историку Михаилу Погодину. Я пользовался довольно многими сборниками Строева и собрал свидетельства о том, как он получал и организовывал материал для них. Он купил, а в некоторых случаях и украл, рукописи и их части во время своих путешествий по России в составе Археографической комиссии. Затем он зачастую разделял или собирал вместе листы и переплетал их в книги, которые были организованы на глаз или тематически. В моих наблюдениях не было ничего нового, но я обладал гораздо более обширными свидетельствами, чем те, на которые ссылались ранее. Дмитрий Сергеевич поддерживал меня в издании статьи, будучи ярым приверженцем научного описания корпуса старославянских рукописей, – задачи, которая до сегодняшнего дня все еще далека от завершения. Особенно его интересовало Погодинское собрание, поскольку проект по описанию этого большого корпуса (более 2 000 рукописных книг) в течение некоторого времени находился в стадии разработки, но почти не продвигался²⁷. Трудности, с которыми столкнулась Климентина Иванова, работая с южнославянскими рукописями, обострили проблемы, связанные с отсутствием прогресса в этом проекте.

Зная об этой истории, я погрузился в подготовку своей статьи с энтузиазмом и без особого такта. (Можно добавить, что в некоторых моих ответах на письма Неда Кинана в то юное время неводержанности часто присутствовали несколько циничные замечания, которые сейчас мне было бы неудобно повторить²⁸.) К счастью, я показал черновик

²⁷ Помимо описания южнославянских рукописей Климентины Ивановой, о котором говорится выше, на сегодняшний день имеются «Рукописные книги Собрания М. П. Погодина. Каталог» (Л. (СПб.), 1988–2010), где охвачены рукописи до № 873. Среди сделанных ранее неполных описаний наиболее ценный труд – «Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников Императорской публичной библиотеки» А. Ф. Бычкова (СПб. : Тип. Имп. академии наук, 1882). Из 91 рукописи, описанной Бычковым, лишь 3 пока включены в новый каталог; многие из них в прошлом принадлежали к библиотеке Строева. Описания Бычкова очень тщательны в том, что касается содержания, но им не хватает кодикологической информации, которую сегодня принимают как должное. К сожалению, продолжения первой части так и не появилось.

²⁸ Отредактированный вариант писем (из которого я вычеркнул несколько самых неловких отрывков) называется «Correspondence concerning the 'Correspondence'» (Переписка относительно «Переписки») [см.: Correspondence].

статьи Маргарите Владимировне Кукушкиной, которая в то время заведовала Отделом рукописей БАН. Она отругала меня за отсутствие такта при критике недостатков проекта по описанию рукописей. Она была резка: «Так говорить нельзя!». Тем более что моя статья шла сразу за докладом, который в прошлом году там же сделала американка Джоан Афферики; ее работа показала, каким образом с помощью тщательного кодикологического анализа ученые могут установить, какие рукописи из Эрмитажного собрания Екатерины II принадлежали выдающемуся историку и моралисту XVIII в. М. М. Щербатову²⁹. Разумеется, некоторые могут обидеться, если считать, что приезжие американцы указывают русским специалистам, как работать. Действительно, впоследствии я однажды узнал, что один из пожилых специалистов в отделе рукописей Публички, Николай Николаевич Розов, раздраженно ворчал, что я, должно быть, шпион, раз смог в некоторых местах расшифровать тайнопись (искусственный алфавит, заменяющий настоящий) в одной из рукописей Погодинского собрания³⁰.

Таким образом, благодаря Маргарите Владимировне я смягчил тон своего сообщения 1972 г.; оно было хорошо принято и впоследствии напечатано [см.: Уо, 1976; 1977a]³¹. Дмитрий Сергеевич был даже настолько любезен, что положительно охарактеризовал его в откровенном критическом отзыве, посвященном отсутствию продвижения

²⁹ Часть ее исследования была издана как «К вопросу об определении русских рукописей М. М. Щербатова в Эрмитажном собрании Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина» [см.: Афферики]. В более полном виде исследование вышло под названием “Considerations on the Formation of the Hermitage Collection of Russian Manuscripts” («Размышления о создании Эрмитажного собрания русских рукописей») [см.: Afferica].

³⁰ Эта моя расшифровка была издана в приложении к «Апокрифическим сочинениям Курбского – Грозного» Кинана [см.: Keenan, 1971, p. 122]. О замечании Н. Н. Розова мне рассказала Б. А. Градова. Через несколько лет в Ташкенте я случайно открыл утерянную русскую рукопись и показал, какое большое значение она имеет и каким образом она проливает свет на историю Хлынова / Вятки (в настоящее время – Кирова). Тогда Кировская газета упрекнула местных историков за то, что это открытие сделал американец [см.: Уо, 1996]. Конечно, местные историки не смогли бы сделать это ни при каких обстоятельствах ввиду отсутствия надлежащих средств и трудностей, с которыми была бы связана командировка в Центральную Азию, даже если бы они узнали об этой книге.

³¹ Помимо того, что редакторы исправили мои ошибки в русском языке, они сделали в тексте еще одно важное изменение. В целях сравнения я сослался следующий факт: после того, как архимандрит Порфирий Успенский посетил гору Афон и украл некоторые рукописи монахов, они начали с подозрением относиться к приезжим русским. В «Трудах Отдела древнерусской литературы» слово *русские* заменили на менее явную отсылку к иностранным посетителям.

Через много лет я узнал из письма от Бориса Львовича Фонкича, который много сделал для описания греческих рукописей в Московском государстве и изучения текстов этих рукописей, что он присутствовал на том заседании в Публичке (Б. Л. Фонкич – Даниелю Уо, 20 февраля 1981 г.). Поводом для этого письма стало то, что я прислал ему еще не опубликованный экземпляр рецензии на его первую книгу [Waugh, 1981] и экземпляр изданного мной русского перевода антитурецкой полемики знаменитого греческого церковника Герасимоса Влахоса [Уо, 1977б]. Фонкич описал статью фразой «исключительно интересно!», потому что он долго и безуспешно искал греческий оригинал данного текста (не то чтобы и я включил его в статью). В целом Фонкич, как и я, очень интересовался попытками греков сделать так, чтобы Московское правительство вступило в войну против турок с целью освобождения православных от власти мусульман.

в описании рукописей. Это произошло на Тихомировских чтениях 1972 г. (названных в честь выдающегося советского медиевиста М. Н. Тихомирова), которые проходили в Москве 5 июня и были посвящены «Методологии описания древних рукописей» [см.: Лихачев, 1974, с. 235–236]³². Напечатанный вариант моего выступления вполне может считаться самой цитируемой из всех моих статей; это выступление во многом воплощает лучшее, чему я научился в те юные годы и затем применил при исследовании рукописного наследия Вятки.

В работе над собранием Строева отразился более широкий интерес, развившийся у меня, – узнать не только о современной истории собраний, которыми мы пользуемся, но и попытаться реконструировать, насколько это возможно, содержимое библиотек Московского государства. Существует много литературы на эту тему, и в ходе некоторых наиболее важных исследований в данной области изучались (а также часто издавались) списки книг Московских библиотек. Пример, заслуживающий внимания, – работа М. В. Кукушкиной о монастырских собраниях Русского Севера [Кукушкина]³³. Одним из важных аспектов изучения этой темы являются палеографические особенности рукописей – какие из них написаны на одинаковой бумаге, тем же или похожим почерком, и т. д.³⁴ Отсутствие подробных справочников по палеографии, сложность кодикологического анализа и время, которое для него требуется, – всё это означает, что еще

³² Во время дискуссии, последовавшей за докладами, я сказал несколько слов о важности филологии [см.: Лихачев, 1974, с. 256–257, «Прения по докладам»]. Лихачев включил вариант своих замечаний и во второе издание своего классического учебника по текстологии [см.: Лихачев, 1983, с. 113].

³³ С 1991 г. появилось по меньшей мере семь солидных томов под общим названием «Книжные центры древней Руси»; три из них посвящены Соловецкому, еще одна – Волокамскому монастырю. Они содержат информацию, ценную для реконструкции библиотечных фондов; несомненно, авторы внимательно рассматривают различные кодикологические свидетельства.

³⁴ Я попробовал себя в этом виде анализа во время работы над Московскими летописями из района Северной Двины, но собранные подробные палеографические свидетельства так и не были изданы как часть моего анализа и публикации текстов летописи [Waugh, 1979]. Разработать материал по русским рукописным собраниям до серьезной монографии заняло бы гораздо больше времени, чем у меня было на самом деле. Мое неизданное рассмотрение свидетельств, касающихся скриптория в Холмогорах, называется «Скрипторий в Холмогорах: Некоторые палеографические наблюдения» и его можно прочитать онлайн [Уо, Скрипторий]. Я прислал экземпляр палеографических таблиц и некоторые заметки выводов по рукописям С. О. Шмидту в 1982 г. Я сделал это в ответ на то, что он опубликовал статью о рукописи РГБ (ГБЛ), Муз. 1836, в «Записках отдела рукописей», т. 38; в данной статье он писал о важности изучения северных скрипториев. По меньшей мере, примечания на полях рукописи, о которой он писал, казалось, были написаны почерком, похожим на почерк в рукописях, которые изучал я и приписал их Холмогорам (Даниель Уо – С. О. Шмидту, 18 апреля 1982 г.). Шмидт стал одним из ведущих сторонников того, что нужно уделять больше внимания региональной истории; мне было приятно через много лет встретить его в 2003 г. на конференции по региональной истории России в Вене, принимающей стороной которой был Андреас Каппелер. (Я был одним из тех, кому заранее сообщили об этом событии; его статьи опубликованы в журнале «Forschungen zur osteuropäischen Geschichte», Bd. 63.) Я отдал дань уважения Шмидту, выплатив долг, который надо было погасить уже давно, в статье «Конец эпохи. Вспоминая Сигурда Оттовича Шмидта (1922–2013)» [см.: Waugh, 2013].

многое предстоит сделать в отношении определенных скрипториев и библиотек, которые они снабжали книгами.

Одна из до сих пор дискуссионных тем, – вопрос о том, была ли у Ивана IV библиотека. В XIX в. С. А. Белокуров посвятил этой проблеме целую книгу, и его выводы были скептическими. Современные исследования в целом поддерживают идею о том, что Иван Грозный, который считается образованным человеком, должно быть, собирал книги. Но доказательства этого далеко не веские и, как я утверждал на конференции в 1984 г., все еще нуждаются в пересмотре³⁵. В какой-то степени научные исследования (или работы, которые не относятся к науке), посвященные библиотеке Ивана Грозного, во многом основаны на принятии желаемого за действительное: по достоинствам Иван IV приравнивается к ренессансному мыслителю. Среди наиболее курьезных попыток разыскать его книги – раскопки в Кремле и Александровской слободе, столице опричнины³⁶. Нужно учитывать, что мой взгляд на эту тему окрашен скептицизмом Кинана.

Идея о том, что библиотека могла быть у Алексея Михайловича в XVII в., намного менее спорна, т. к. нет сомнений в его грамотности и явно большой любознательности. Но где мы тогда можем найти его книги? Я утверждал, что его личное хранилище в сущности было частной библиотекой, хотя некоторые немецкие коллеги были скептичны по данному поводу: это было связано с вопросом о том, как можно формально определить «библиотеку» [см.: *The Library of Aleksei Mikhailovich*]. Хотя для XVII в. в различных перечнях существует множество свидетельств относительно содержимого библиотек, все еще необходимо провести надлежащий анализ многих из этих перечней. Надо попытаться установить точное содержимое библиотек, потому что описания в перечнях часто бывает сложно понять. В советское время главный исследователь библиотек периода Московского государства, С. П. Луппов, использовал для статистики о собраниях книг категории «светские» и «религиозные». Но, вероятно, это современное противопоставление не очень соответствовало тому, как могли категоризировать книги москвичи XVII в.³⁷.

³⁵ В моей более поздней статье [см.: Waugh, 1987] содержатся ссылки на самые важные работы, опубликованные к тому времени. Наиболее серьезная попытка реконструировать библиотеку Ивана Грозного сделана в работе «Библиотека Ивана Грозного. Реконструкция и библиографическое описание» [см.: Библиотека Ивана Грозного...]. Я написал краткую рецензию на эту книгу в журнале «Slavic Review» [см.: Waugh, 1984, p. 95]. В центре этого исследования – ранее неизданная рукопись, открытая Зарубиным в 1930-е гг.

³⁶ О раскопках в Московском Кремле говорится в работе «Мертвые книги в московском тайнике» [Стеллецкий]; она написана в 1946 г., и комментарий к ней добавили Т. М. Белоусова и А. А. Амосов. Про Александров говорится в работе «Библиотека Ивана Грозного и Александровский кремль» [Ковалев]; согласно автору, на то, где находится библиотека, указывают анализ почвы и подземное зондирование.

³⁷ Я говорил об этом в «Истории библиотек и других хранилищ к 1700 г.: недавние советские исследования» (“The History of Libraries and Other Repositories to 1700: Recent Soviet Work”). Эта статья была написана несколько поспешно (сейчас она недостойна публикации) и была представлена на Конференции по последним советским литературным исследованиям (Conference on recent Soviet Book Studies), которая состоялась 22 июня 1983 г. в калифорнийском университете в Беркли.

В последнее время мой интерес к Московским библиотекам связан с Вяткой, о которой будет подробнее рассказано ниже.

Мое третье сообщение для Отдела древнерусской литературы состоялось в 1975 г. С помощью Дмитрия Сергеевича я вернулся в Ленинград, чтобы закончить собирать материал для путеводителя по текущему расположению и номерам полок, где находятся рукописи, собранные в первой половине XIX в. графом Ф. А. Толстым. Хотя значительная часть этой большой и важной библиотеки была описана в изданной работе Строева, нумерация Толстого была замещена нумерацией Императорской публичной библиотеки, которая купила львиную долю Собрания Толстого. Оставшиеся части собрания, в конце концов, оказались в Библиотеке Академии наук и в Институте истории. Единственным способом найти номера из Публички было свериться с экземпляром каталога Строева в читальном зале отдела редких книг; в каталоге номера были написаны карандашом на полях. Перед тем, как уехать из Ленинграда в 1972 г., я выписал все эти номера и сразу же решил составить сравнительные таблицы и разыскать другие рукописи Собрания Толстого. Насколько мне известно, я получил доступ к БАН и ЛОИИ (где я в то время работал не в читальном зале, а в закрытых книгохранилищах) благодаря тому, что Дмитрий Сергеевич поднял телефонную трубку и сделал звонок за меня. Мои записки, относящиеся к проекту по собранию Толстого, чуть не остались в Ленинграде, потому что таможенники не давали мне их вывезти без специального разрешения на вывоз «неопубликованных рукописей», даже если они написаны моим же почерком. Но американский коллега Джек Хэни, который сопровождал меня в аэропорту, смог устроить так, чтобы их отправили ко мне домой дипломатической почтой.

Опубликовать материал было совсем не просто, и это удалось во многом благодаря Патриции Кеннеди Гримстед, которая тогда работала над дополнением и вторым томом своего великолепного путеводителя по советским архивам и рукописным собраниям³⁸. Она могла непосредственно вести переговоры в Ленинграде с теми, кто сомневался в том, что мой путеводитель, который отчасти представлял собой издание неопубликованных описей, может быть издан в соответствии с законом. Как она сообщила мне, Лихачев также участвовал в том, чтобы устранить все сомнения. Важнейшую задачу

³⁸ Моя положительная рецензия на первый том путеводителя по архивам Гримстед была опубликована в "Slavic Review" [Waugh, 1974]. В моих папках с перепиской, относящейся к середине 1970-х гг., есть несколько длинных писем от нее. В них говорится как о составлении дополнительного тома (для которого я, как она замечала в благодарностях, «предоставил... предварительный список избранных названий каталогов славянских рукописей для включения их в книгу и значительный объем информации для примечаний к этим каталогам»), так и о вопросах, касающихся путеводителя по собранию Толстого. Прямо и опосредованно я получил довольно много исправлений и предложений по другим изменениям от разных людей. Признаюсь, что сейчас я точно не знаю, получился ли окончательный вариант книги благодаря всем этим изменениям.

сверки моего наброска с записями в Публичке выполнила Бронислава Градова. Сначала путеводитель появился в инновационном формате microbook от “Inter Documentation Company” (издание на микрофише с несколькими печатными страницами введения) [см.: The F. A. Tolstoi Collection], а впоследствии он был переиздан БАН в печатной форме, с благословения и с помощью Сигурда Оттовича Шмидта, главы Московской Археографической комиссии [см.: Славянские рукописи...].

Несмотря на мощную поддержку, которую выразили по отношению к моему проекту ведущие российские ученые, и необычайную честь, которая проявилась в том, что второе издание было опубликовано Академией наук, ценность этого проекта была девальвирована теми, кто никогда не пытался серьезно работать с собраниями раннеславянских рукописей, которые все еще плохо описаны. Наиболее вопиющим примером подобного непонимания стала критическая рецензия Валери Туминс [см.: Tumins]³⁹. Гримстед так расстроила эта неверная интерпретация путеводителя, что она написала Туминс длинное письмо с объяснением, но та ответила еще большим непониманием⁴⁰. Принимая во внимание относительно небольшое количество времени, которым я располагал для работы над путеводителем, неудивительно, что некоторые его части действительно были схематичны и нуждались в дополнениях. Возможно, это, по крайней мере, стало стимулом для последующего издания надлежащего исследования, посвященного истории и составлению описей рукописных книг в значимой библиотеке XVIII в. – библиотеке князя Дмитрия Михайловича Голицына, часть которой впоследствии приобрел Ф. А. Толстой [см.: Градова, Клосс, Корецкий, 1979; 1981]⁴¹. Б. А. Градова, которая произвела «экспертную оценку» чернового варианта моего путеводителя и сделала в нем исправления, была ведущим автором этого двухчастного исследования. В 1975 г. в Ленинграде я также выступил с сообщением в Пушкинском доме (насколько я помню, там присутствовало мало людей, потому что был август и учебный год еще не начался); я говорил об описании рукописей, в частности, предлагал, каким образом вся информация может быть переведена в цифровую форму, чтобы сделать ее легкодоступной,

³⁹ У. Ф. Райан написал краткую рецензию, в которой, однако, проявляется его понимание вопроса [см.: Ryan].

⁴⁰ Патриция Кеннеди Гримстед – Валери А. Туминс, 30 октября 1978 г.; Туминс – Гримстед, 13 ноября 1978 г. В своем письме Гримстед, в частности, написала: «Советские институты так медленно работали над изданием современных каталогов своих собраний, и исследования по описанию рукописей в Советском Союзе так отставали со времен Революции, что, действительно, есть некоторая ирония в том, что именно западный ученый, тесно сотрудничая с советскими институтами в этой области, смог найти детальную помощь, так необходимую для специалистов, чтобы проводить тщательные исследования в области славистики».

⁴¹ В первой статье авторы обратили внимание, что я поставил узкую задачу в своей работе по рукописям Голицына, которые не были главной темой моего путеводителя [Градова, Клосс, Корецкий, 1979, с. 238]; они также отметили, как важно использовать изданные и неизданные описи его собрания, как они и сделали.

упростить поиски и сопоставление, и т. д. И это, заметьте, в то время, когда у меня не было ничего похожего на компьютер, а Интернету еще предстояло появиться. Мне кажется, сообщение было встречено с неподдельным интересом, но из этой темы ничего не получилось, возможно, потому, что, вернувшись домой, я никак не мог найти время продолжить исследование. Поэтому думаю, что в определенном смысле это был тупик, хотя можно было бы надеяться, что эта тема к чему-то приведет⁴².

Сегодня подобные вещи, конечно, никого не удивят, хотя все еще далеко до электронного корпуса описаний раннеславянских рукописей в таком масштабе, который я имел в виду. Возможно, на продвижение в этой работе могут вдохновить воспоминания о докомпьютерном времени: уже тогда Н. К. Никольский ясно понимал благоразумность составления исчерпывающего путеводителя по древнеславянской литературе. Никольский взялся за это дело, используя технологии того времени: он собрал все напечатанные каталоги рукописей, которые смог достать, разрезал их и наклеил статьи на карточки, которые систематически организовал. Я отчетливо помню, как после приезда в Советский Союз в 1968 г. я обращался за справкой к картотеке Никольского в БАН в поисках работ, о которых я не знал, но которые были важны для моего проекта, или дополнительных экземпляров работ, о которых я знал. Эта картотека обладала ограниченными достоинствами, будучи устарелой, хотя все еще свежо было вдохновение, которое лежало в основе ее замысла⁴³.

Среди моих воспоминаний о Дмитрие Сергеевиче – прощальный визит к нему на дачу в Комарово накануне моего отъезда в июне 1972 г. Мы только немного поговорили. Он с большой печалью сообщил мне, что Иосифа Бродского только что выслали из Советского Союза⁴⁴. Мне помнится, что остальную часть разговора он в основном сетовал на правительство, которое подвергало нападкам тех,

⁴² В письме от 31 мая 1979 г. А. А. Амосов сослался на мое сообщение в ответ на то, что через Хью Олмстеда я осведомился о работе Амосова об описании рукописей. В своем письме он отметил, что некоторые наши идеи о компьютеризации этого процесса совпадают, но до их воплощения необходимо более детально разработать критерии описания. Более того, он считал, что в области описания водяных знаков необходимо сосредоточиться на визуальном сопоставлении знаков (тогда из этого косвенно следует, что любая система числовых идентификаторов вряд ли будет работать, даже если это никак не связано с той целью, о которой я говорил ранее) (А. А. Амосов – Даниелю Уо, 31 мая 1979 г.).

⁴³ Конечно, картотека Никольского предоставляет сведения не по целым рукописям, а только по их отдельным частям. Существуют различные справочники, в которых говорится о публикациях и исследованиях, посвященных раннеславянским текстам. Лучшая и наиболее современная работа – многотомный «Словарь книжников и книжности Древней Руси» (Л., 1987–1989), но эта книга не задумана как путеводитель по описанию всех до единого экземпляров рукописей.

⁴⁴ Мне повезло, потому что через несколько лет я слышал, как Бродский читает свои стихи в Вашингтонском университете; на английский их переводил Джек Хэни. Когда я был в Венеции в 2010 г., я случайно наткнулся на дощечку с именем Бродского – одного из многих великих личностей в области гуманитарных наук, который работал в этом городе и был там похоронен.

кто увлеченно защищал ценности русской культуры. Может быть, за этим скрывалась его эмоциональная реакция на скептицизм тех, кто, как Кинан и Зимин, подвергали сомнению присущую ему веру в памятники древнерусской литературы. Но я думаю, что Дмитрия Сергеевича больше волновали власти, которые в молодости сослали его на Соловки и затем, когда он уже был выдающимся ученым, возможно, были в ответе за физическое нападение на него. Когда через несколько лет я готовил для публикации свою первую монографию, я попросил Дмитрия Сергеевича написать к ней предисловие; он благосклонно согласился, сделав несколько очень полезных предложений по улучшению книги. Я считаю, что это предисловие было незаслуженно щедрым на похвалу⁴⁵. Мои последние воспоминания, связанные с Дмитрием Сергеевичем, относятся ко времени после его смерти, когда я принял приглашение выступить на второй конференции в его память, которая прошла в Пушкинском доме в конце ноября 2003 г.⁴⁶. Это была не просто еще одна научная конференция: для многих это было трогательное мероприятие, призванное сохранить память о его жизни и достижениях. Когда закончилась научная часть мероприятия, участников пригласили посетить богослужение в память Дмитрия Сергеевича, а затем принять участие в молитве у его могилы при зажженных свечах. Церемония проходила в ноябрьских сумерках, среди туманных сосен на кладбище в Комарово, где также покоится Анна Ахматова.

⁴⁵ Предисловие Д. С. Лихачева напечатано в моей книге "The Great Turkes Defiance" [Vaughn, 1978, p. 1–4]. Он даже чрезмерно похвалил мою работу и в то же время напрямую выразил сожаление из-за того, что я имел отношение к книге Кинана («огорчаюсь за участие в книге... Н. Кинана»), чьи выводы (и метод) он не мог принять (Д. С. Лихачев – Даниелю Уо, 23 октября 1973 г.). В своем критическом отзыве на книгу Кинана, который вошел во второе издание его «Текстологии» [Лихачев, 1983, с. 261–263, примеч. 35], Лихачев открыто освобождал меня от ответственности за идеи Кинана (!). Хотя в этом отзыве он более чем адекватно оценил мой вклад в книгу Кинана, некоторые аспекты моего участия в ее создании явно не были обозначены. Когда рукопись редактировалась и готовилась к печати, Кинан был в творческом отпуске в Европе, но я был в Кембридже и очень тесно сотрудничал с редактором в таких вопросах, как стандартизация ссылок. Более того, некоторые задачи я выполнял по просьбе Неда. Я устанавливал местонахождение цитат Цицерона и собирал их; это касалось цитат, относящихся к вопросу о том, мог ли Курбский ссылаться на Цицерона, как было видно из приписываемых ему текстов. Также я соединил по частям черновик восстановленного первого письма Курбского, которое вышло в качестве одного из приложений книги. Некоторых критиков оскорбило само название книги; хотя я могу ошибаться, возможно, я первым предложил его Неду, когда мы обсуждали этот вопрос. В моем архиве все еще хранится «первоначальное» подготовленное к печати издание рукописи Кинана со множеством изменений, которые он внес в этот вариант.

⁴⁶ Моя довольно общая статья (основанная на моей работе по Вятке) была издана вместе с другими статьями этой конференции [см.: Уо, 2006].

Афферика Дж. К вопросу об определении русских рукописей М. М. Щербатова в Эрмитажном собрании Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина // Труды Отдела древнерусской литературы. 1980. Т. 35. С. 376–393.

Беляев И. С. Практический курс изучения древней русской скорописи для чтения рукописей XV–XVIII столетий. 2-е изд. М. : Синодальная тип., 1911. 88 с.

Библиотека Ивана Грозного. Реконструкция и библиографическое описание / сост. Н. Н. Зарубин, подгот. к печати, примеч. и доп. А. А. Амосова ; под ред. С. О. Шмидта. Л. : Наука, 1982. 159 с.

Бычков А. Ф. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников Императорской публичной библиотеки. Ч. 1. СПб. : Тип. Имп. академии наук, 1882. II, 540, 154 с.

Ганелина И. Е. Я. С. Лурье: история жизни // In memoriam : сб. памяти Я. С. Лурье / сост. Н. М. Ботвинник и Е. И. Вансеева. СПб. : Atheneum-Феникс, 1997. С. 5–40.

Градова Б. А., Клосс Б. М., Корецкий В. И. К истории Архангельской библиотеки Д. М. Голицына // Археографический ежегодник за 1978 г. М. : Наука, 1979. С. 238–253.

Градова Б. А., Клосс Б. М., Корецкий В. И. О рукописях библиотеки Д. М. Голицына в Архангельском // Археографический ежегодник за 1980 г. М. : Наука, 1981. С. 479–490.

Зимин А. А. Выпись о втором браке Василия III // Труды Отдела древнерусской литературы. 1976. Т. 30. С. 132–148.

Иванова К. Български, сръбски и молдо-влахийски кирилски ръкописи в сбирката на М. П. Погодин. София : Изд-во на Българската академия на науките, 1981. 578 с.

Кашианов С. М. Уо Д. К. История одной книги. Вятка и «не-современность» в русской культуре Петровского времени [Электронный ресурс] // Отечественные архивы. 2004. № 5. С. 111. URL: <http://rusarchives.ru/publication/otcharh/045.shtml>.

Ковалев Г. Е. Библиотека Ивана Грозного и Александровский кремль. Александров, 2002. 114 с.

Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки истории книжной культуры XVI–XVII. Л. : Наука, 1977. 223 с.

Лихачев Д. С. Задачи составления методик описания славяно-русских рукописей // Археографический ежегодник за 1972 г. М. : Наука, 1974. С. 234–242.

Лихачев Д. С. Текстология на материале русской литературы X–XVII веков. 2-е изд. Л. : Наука, 1983. 605 с.

Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / текст подгот. Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыков. Л. : Наука, 1979. 433 с.

Переписка Я. С. Лурье и В. Д. Бонч-Бруевича // Лурье Я. С. Избранные статьи и письма. СПб. : Изд-во Европейского ун-та, 2011. С. 215–263.

Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 33. Холмогорская летопись. Двинский летописец. Л. : Наука, 1977. 250 с.

Россия на путях централизации : сб. ст. / [редкол.: В. Т. Пашуто (отв. ред.) и др.]. М. : Наука, 1982. 296 с.

Рукописные книги Собрания М. П. Погодина. Каталог : в 4 вып. Л. (СПб.), 1988–2010.

Славянские рукописи собрания Ф. А. Толстого : материалы к истории собрания и указатели старых и новых шифров / сост. Д. К. Уо. Л. : БАН СССР, 1980. 135 с.

Словарь книжников и книжности Древней Руси : в 2 вып. / отв. ред. Д. С. Лихачев. Л. : Наука, 1987–1989. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.). Л. : Наука, 1987. 493 с. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.). Ч. 1 : А–К. Л. : Наука, 1989. 516 с. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.). Ч. 2 : Л–Я. Л. : Наука, 1989. 528 с.

Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII веков : тез. докл. и сообщ. Первых чтений, посвящ. памяти А. А. Зимина. Москва, 13–18 мая 1990 г. : в 2 вып. М., 1990. 324 с.

Стеллецкий И. Я. Мертвые книги в московском тайнике. М. : Моск. рабочий, 1993. 270 с.

Уо Д. К изучению истории рукописного собрания П. М. Строева // Труды Отдела древнерусской литературы. 1976. Т. 30. С. 184–203; 1977а. Т. 32. С. 133–164.

Уо Д. «Одолоение на Турское царство» – памятник антитурецкой публицистики XVII в. // Труды Отдела древнерусской литературы. 1977б. Т. 33. С. 88–107.

Уо Д. Америка изучает историю Вятки // Наш вариант. 1996. № 48. С. 1.

Уо Д. К истории вятского летописания // In memoriam : сб. памяти Я. С. Лурье / сост. Н. М. Ботвинник и Е. И. Ванеева. СПб. : Atheneum-Феникс, 1997. С. 303–320.

Уо Д. К изучению фальсификации письменных источников по истории средневековой России // Russian History/Histoire Russe. Festschrift for A. A. Zimin / ed. by P. B. Brown. 1998. Vol. 25, Nos. 1–2. P. 11–20.

Уо Д. Местное самосознание и «изобретение» регионального прошлого // Труды отдела древнерусской литературы. 2006. Т. 57. С. 350–358.

Уо Д. Скрипторий в Холмогорах: Некоторые палеографические наблюдения [Электронный ресурс]. URL: http://faculty.washington.edu/dwaugh/publications/Waugh_ScriptoriuminKholmogory_1977_2012.pdf

Afferica J. Considerations on the Formation of the Hermitage Collection of Russian Manuscripts // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte 24. 1978. S. 237–336.

Correspondence concerning the 'Correspondence' / ed. by D. Waugh // Harvard Ukrainian Studies. 1995. Vol. XIX.

[Erratum] // Slavic Review. 1997. 56/3. P. 611.

Essays in Honor of A. A. Zimin / ed. D. Waugh. Columbus, O. : Slavica, 1985. XIV + 416 p.

Fennell J. L. I. The Recent Controversy in the Soviet Union over the Authenticity of the *Slovo* // Russia: Essays in History and Literature / ed. L. Legters. Leiden : E. J. Brill, 1972. P. 1–17.

Hellie R. Essays in Honor of A. A. Zimin. Edited by Daniel Clarke Waugh // Slavic Review. 1986. 45/3. P. 554–556.

Ingham N. D. C. Waugh, *The Great Turkes Defiance: On the History of the Apocryphal Correspondence of the Ottoman Sultan in Its Muscovite and Russian Variants* // Modern Philology. 1981. 78/3. P. 307–309.

Keenan E. L. Ivan III, Nikolai Karamzin, and the Legend of the 'Casting off of the Tatar Yoke' (1480) // The New Muscovite Cultural History. A Collection in Honor of Daniel B. Rowland / eds. V. Kivelson et al. Bloomington, IN : Slavica, 2009. P. 237–251.

Keenan E. L. The Kurbskii-Groznyi Apocrypha: The Seventeenth-Century Genesis of the "Correspondence" Attributed to Prince A. M. Kurbskii and Tsar Ivan IV / with an appendix by D. C. Waugh. Cambridge, MA : Harvard Univ. Press, 1971.

[Letter to the Editor] // Slavic Review. 1997. 56/1. P. 186.

Ryan W. F. The F. A. Tolstoi Collection. The Slavic Manuscripts in the Collection of Count F. A. Tolstoi. Materials on the History of the Collection and Indexes of Former and Current Code Numbers, compiled by D. C. Waugh // The Slavonic and East European Review. 1980. 58/1. P. 155.

The F. A. Tolstoi Collection. The Slavic Manuscripts in the Collection of Count F. A. Tolstoi. Materials on the History of the Collection and Indexes of Former and Current Code Numbers, compiled by D. C. Waugh. Zug, Switzerland : Inter Documentation Co., 1977.

The Library of Aleksei Mikhailovich // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 38. 1986. S. 299–324.

Tumins V. The F.A. Tolstoi Collection. The Slavic Manuscripts in the Collection of Count F. A. Tolstoi. Materials on the History of the Collection and Indexes of Former and Current Code Numbers, compiled by D. C. Waugh // The Russian Review. 1978. 37/3. P. 364.

Waugh D. Ocherki russkoi diplomatiki. By S. M. Kashtanov // Slavic Review. 1973. 32/1. P. 158–160.

Waugh D. P. K. Grimsted, *Archives and Manuscript Repositories in the USSR: Moscow and Leningrad* // Slavic Review. 1974. 33/1. P. 148–149.

Waugh D. Ia. S. Lur'e, Obshcherusskoe leptopisanie XIV–XV vv. // The Russian Review. 1977. 36/3. P. 351–352.

Waugh D. The Great Turkes Defiance: On the History of the Apocryphal Correspondence of the Ottoman Sultan in Its Muscovite and Russian Variants / with a foreword by Academician D. S. Likhachev. Columbus, O. : Slavica, 1978. IX, 354 p.

Waugh D. Two Unpublished Muscovite Chronicles // Oxford Slavonic Papers, N. S. 1979. 12. P. 1–31.

Waugh D. B. L. Fonkich, Grechesko-russkie kul'turnye sviazi v XV–XVII vv. // Russian History. 1981. 8/3. P. 414–416.

Waugh D. N. N. Zarubin, *Biblioteka Ivana Groznogo: Rekonstruktsiia i bibliograficheskoe opisanie* // Slavic Review. 1984. 43/1. P. 95.

Waugh D. A. A. Zimin's Study of the Sources for Medieval and Early Modern Russian History // Essays in Honor of A. A. Zimin / ed. D. Waugh. Columbus, OH : Slavica, 1985. P. 1–58.

Waugh D. The Unsolved Problem of Tsar Ivan IV's Library // Russian History. 1987. 14/1–4. P. 395–408.

Waugh D. Introduction // Russian History/Histoire Russe. Festschrift for A. A. Zimin / ed. by P. B. Brown. 1998. Vol. 25, Nos. 1–2. P. 7–10.

Waugh D. The End of an Era. Remembering Sigurd Ottovich Shmidt (1922–2013) // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2013. 14/4. P. 910–920.

Afferica, J. (1978). Considerations on the Formation of the Hermitage Collection of Russian Manuscripts. *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*, 24, 237–336.

Afferika, Dzh. (1980). K voprosu ob opredelenii russkikh rukopisej M. M. Shherbatova v E'rmitazhnom sobranii Publichnoj biblioteki im. M. E. Salty'kova-Shhedrina [Revisiting the definition of Russian manuscripts of M. M. Sherbatov in the Hermitage collection of Public library n. a. M. E. Saltykov-Shedrin]. In *Trudy' Otdela drevnerusskoj literatury'* [Proceedings of the Department of the Old Russian literature]. (Vol. 35) (p. 376–393).

Belyaev, I. S. (1911). *Prakticheskij kurs izucheniya drevnej russkoj skoropisi dlya chteniya rukopisej XV–XVIII stoletij* [Practical course of study of the Old Russian cursive for reading the manuscripts of 15th–18th centuries]. (2nd ed.). Moscow: Sinodal'naya tip.

By'chikov, A. F. (1882). *Opisanie cerkovno-slavyanskikh i russkikh rukopisny'h sbornikov Imperatorskoj publichnoj biblioteki* [Description of Church Slavonic and Russian manuscript collections of the Imperial public library]. Part 1. St. Petersburg: Tip. Imp. akademii nauk.

[Erratum]. (1997). *Slavic Review*, 56/3, 611.

Fennell, J. L. I. (1972). The Recent Controversy in the Soviet Union over the Authenticity of the *Slovo*. In Legters L. (Ed.). *Russia: Essays in History and Literature* (p. 1–17). Leiden: E.J. Brill.

Ganelina, I. E. (1997). Ya. S. Lur'e: istoriya zhizni [J. Lurie: life history]. In N. M. Botvinnik, E. I. Vaneeva (Comp.). *In memoriam: sb. pamyati Ya. S. Lur'e* [In memoriam: collection in memory of J. Lurie] (p. 5–40). St. Petersburg: Atheneum-Feniks.

Gradova, B. A., Kloss, B. M., Koreczkij, V. I. (1979). K istorii Arhangel'skoj biblioteki D. M. Golicy'na [To the history of the Arkhangelsk library of D. M. Golitsyn]. In *Arheograficheskij ezhegodnik za 1978 g.* [Archeographic annals for 1978 yr.] (p. 238–253). Moscow: Nauka.

Gradova, B. A., Kloss, B. M., Koreczkij, V. I. (1981). O rukopisyah biblioteki D. M. Golicy'na v Arhangel'skom [About manuscripts in the library of D. M. Golitsyn in Arkhangelskoe]. In *Arheograficheskij ezhegodnik za 1980 g.* [Archeographic annals for 1980 yr.] (p. 479–490). Moscow: Nauka.

Hellie, R. (1986) Essays in Honor of A. A. Zimin. *Slavic Review*. D. C. Waugh (Ed.), 45/3, 554–556.

Ingham, N., Waugh D. C. (1981). The Great Turkes Defiance: On the History of the Apocryphal Correspondence of the Ottoman Sultan in Its Muscovite and Russian Variants. *Modern Philology*, 78/3, 307–309.

Ivanova, K. (1981). *B"lgarski, sr"bski i moldo-vlahijski kirilski r"kopisi v sbirkata na M. P. Pogodin* [Bulgarian, Serbian and Moldo-Vlahian Cyrillic manuscripts in the collection of M.P. Pogodin]. Sofia: Izd-vo na B"lgarskata akademiya na naukite.

Kashtanov, S. M., Waugh, D. C. (2004). Istoriya odnoj knigi. Vyatka i "ne-sovremenost'" v russkoj kul'ture Petrovskogo vremeni [History of one book. Vyatka and "pastness" in Russian culture in the time of Peter the Great]. In *Otechestvenny'e arhivy'* [National archives]. 5. URL: <http://rusarchives.ru/publication/otecharch/045.shtml>.

Keenan, E. L. (1971). *The Kurbskii-Groznyi Apocrypha: The Seventeenth-Century Genesis of the "Correspondence" Attributed to Prince A. M. Kurbskii and Tsar Ivan IV*. In D. C. Waugh (App.). Cambridge, MA: Harvard Univ. Press.

Keenan, E. L. (2009). Ivan III, Nikolai Karamzin, and the Legend of the 'Casting off of the Tatar Yoke' (1480). In V. Kivelson et al. (Ed.). *The New Muscovite Cultural History. A Collection in Honor of Daniel B. Rowland* (p. 237–251). Bloomington, IN: Slavica.

Kovalev, G. E. (2002). *Biblioteka Ivana Groznogo i Aleksandrovskij krem'l'* [Library of Ivan the Terrible and Alexander Kremlin]. Aleksandrov.

Kukushkina, M. V. (1977). *Monasty'rskie biblioteki Russkogo Severa: Ocherki istorii knizhnoj kul'tury XVI–XVII* [Monastic libraries of Russian North: Essays on the history of book culture of 16th–17th centuries]. Leningrad: Nauka.

[Letter to the Editor]. (1997). *Slavic Review*, 56/1, 186.

Lihachev D. S. (Ed.). (1987, 1989) *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi* [Dictionary of bibliophiles and book-learning of Old Russia]: in 2 iss. Leningrad: Nauka. Iss. 1 (11th – first half of 14th c.). (1987). Leningrad: Nauka. Iss. 2 (second half of 14th–16th c.). (1989). Part 1: A – K. Leningrad: Nauka. Iss. 2 (second half of 14th–16th c.). (1989). Part 2: L – Ya. Leningrad: Nauka.

Lihachev, D. S. (1974). Zadachi sostavleniya metodik opisaniya slavyano-russkikh rukopisej [Tasks of compiling methods of description of the Slavic-Russian manuscripts]. In *Arheograficheskij ezhegodnik za 1972 g.* [Archeographic annals for 1972 yr.] (p. 234–242). Moscow: Nauka.

Lihachev, D. S. (1983). *Tekstologiya na materiale russkoj literatury' X–XVII vekov* [Textual studies on the material of Russian literature of 10th–17th centuries]. (2nd ed.). Leningrad: Nauka.

Lurie, J., Ry'kov, Yu. D. (Rewrite). (1979). *Perepiska Ivana Groznogo s Andreem Kurbskim* [Correspondence of Ivan the Great and Andrey Kurbsky]. Leningrad: Nauka.

Pashuto, V. T. (Ed.). (1982). *Rossiya na putyah centralizacii: sb. st.* [Russia on the way of centralization: collection of articles]. Moscow: Nauka.

Perepiska Ya. S. Lur'e i V. D. Bonch-Bruevicha [Correspondence of J. Lurie and V. D. Bonch-Bruevich]. (2011). In Ya. S. Lur'e. *Izbranny'e stat'i i pis'ma* [Selected letters and articles] (p. 215–263). St. Petersburg: Izd-vo Evropejskogo un-ta.

Polnoe sobranie russkikh letopisej (PSRL). Holmogorskaya letopis'. Dvinskij letopisecz [Complete Edition of Russian Chronicles. Holmogory chronicle. Dvina chronicler]. (1977). (Vol. 33). Leningrad: Nauka.

Rukopisny'e knigi Sobraniya M. P. Pogodina [Manuscript books in the Collection of M. P. Pogodin]. Catalogue: in 4 iss. (1988–2010). Leningrad (St. Petersburg).

Ryan, W. F. (1980). The F. A. Tolstoi Collection. The Slavic Manuscripts in the Collection of Count F. A. Tolstoi. Materials on the History of the Collection and Indexes of Former and Current Code Numbers. In D. C. Waugh (Comp.). *The Slavonic and East European Review*, 58/1, 155.

Spornye voprosy' otechestvennoj istorii XI–XVIII vekov: tez. dokl. i soobshh. pervy'kh chtenij, posvyashh. pamyati A. A. Zimina [Disputable questions of national history

of 11th–18th centuries: thesaurus of papers of the first conference dedicated to the memory of A. A. Zimin. Moscow, 13–18 May 1990: in 2 iss.]. (1990). Moscow.

Stelлецкий, I. Ya. (1993). *Mertvy'e knigi v moskovskom tajnike* [Dead books in Moscow hiding]. Moscow: Mosk. rabochij.

The Library of Aleksei Mikhailovich. (1986). *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*, 38, 299–324.

Tumins, V. (1978). The F. A. Tolstoi Collection. The Slavic Manuscripts in the Collection of Count F. A. Tolstoi. Materials on the History of the Collection and Indexes of Former and Current Code Numbers. *The Russian Review*. D. C. Waugh (Comp.), 37/3, 364.

Waugh, D. (1973). Oчерки russkoi diplomatiki. By S. M. Kashtanov. *Slavic Review*, 32/1, 158–160.

Waugh, D. (1974). P. K. Grimsted. Archives and Manuscript Repositories in the USSR: Moscow and Leningrad. *Slavic Review*, 33/1, 148–149.

Waugh, D. (1976). K izucheniyu istorii rukopisnogo sobraniya P. M. Stroeve [Studying the history of manuscript collection of P. M. Stroeve]. *Trudy' Otdela drevnerusskoj literatury'* [Proceedings of the Department of the Old Russian literature]. (Vol. 30, p. 184–203; Vol. 32, p. 133–164).

Waugh, D. (1977a). “Odolenie na Turskoe czarstvo” – pamyatnik antitureczkoj publicistiki XVII v. [“Overcoming Tursk kingdom” – a monument to anti-Turkish publicism of 17th c.]. *Trudy' Otdela drevnerusskoj literatury'* [Proceedings of the Department of the Old Russian literature]. (Vol. 33, p. 88–107).

Waugh, D. (1977b). Ia. S. Lur'e, Obshcherusskoe letpisaniye XIV–XV vv. *The Russian Review*, 36/3, 351–352.

Waugh, D. C. (Comp.). (1977). *The F. A. Tolstoi Collection. The Slavic Manuscripts in the Collection of Count F. A. Tolstoi. Materials on the History of the Collection and Indexes of Former and Current Code Numbers*. Zug, Switzerland: Inter Documentation Co.

Waugh, D. (1978). *The Great Turkes Defiance: On the History of the Apocryphal Correspondence of the Ottoman Sultan in Its Muscovite and Russian Variants*. D. S. Likhachev (foreword). Columbus, O.: Slavica, IX.

Waugh, D. (1979). Two Unpublished Muscovite Chronicles. *Oxford Slavonic Papers*, N.S. 12, 1–31.

Waugh, D. C. (Comp.). (1980). *Slavyanskije rukopisi sobraniya F. A. Tolstogo: materialy' k istorii sobraniya i ukazateli stary'h i novy'h shifrov* [The Slavic manuscripts in the collection of F. A. Tolstoi: materials on the history of collection and indexes of former and current codes]. Leningrad: BAN SSSR.

Waugh, D. (1984). Zarubin N. N. Biblioteka Ivana Groznogo: Rekonstruktsiia i bibliograficheskoe opisaniye. *Slavic Review*, 43/1, 95.

Waugh, D. (1985). Zimin's Study of the Sources for Medieval and Early Modern Russian History. In D. Waugh (Ed.). *Essays in Honor of A. A. Zimin* (p. 1–58). Columbus, OH.: Slavica.

Waugh, D. (Ed.). (1985). *Essays in Honor of A. A. Zimin*. Columbus, O: Slavica, XIV.

Waugh, D. (1987). The Unsolved Problem of Tsar Ivan IV's Library. *Russian History*, 14/1–4, 395–408.

Waugh, D. (Ed.). (1995). Correspondence concerning the 'Correspondence'. In *Harvard Ukrainian Studies* (Vol. XIX).

Waugh, D. (1996). Amerika izuchaet istoriyu Vyatki [America studies the history of Vyatka]. *Nash variant* [Our variant], 48.

Waugh, D. (1997). K istorii vyatskogo letopisaniya [To the history of Vyatka chronicle]. In N. M. Botvinnik, E. I. Vaneeva (Comp.), *In memoriam: sb. pamyati Ya. S. Lur'e* [In memoriam: collection in memory of J. Lurie] (p. 303–320). St. Petersburg: Atheneum-Feniks.

Waugh, D. (1998). Introduction. Festschrift for A. A. Zimin. *Russian History / Histoire Russe*. P. B. Brown (Ed.). (Vol. 25, 1–2, 7–10).

Waugh, D. (1998). K izucheniyu fal'sifikatsii pis'menny'h istochnikov po istorii srednevekovoj Rossii [Studying the falsification of written sources on the history

of medieval Russia]. In P. B. Brown (Ed.) *Russian history / Histoire Russe. Festschrift for A. A. Zimin*. (Vol. 25, 1–2. p. 11–20).

Waugh, D. (2006). Mestnoe samosoznanie i “izobretenie” regional’nogo proshlogo [Local consciousness and “invention” of regional past]. In *Trudy' Otdela drevnerusskoj literatury'* [Proceedings of the Department of the Old Russian literature]. (Vol. 57, p. 350–358).

Waugh, D. (2013). The End of an Era. Remembering Sigurd Ottovich Shmidt (1922–2013). *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 14/4, 910–920.

Waugh, D. (n. d.). *Skriptorij v Holmogorah: nekotory'e paleograficheskie nablyudeniya* [Scriptorium in Holmogory: some paleographic observations]. URL: http://faculty.washington.edu/dwaugh/publications/Waugh_ScriptoriuminKholmogory_1977_2012.pdf

Waugh, D., Fonkich, B. L. (1981). Grechesko-russkie kul’turnye svyazi v XV–XVII vv. *Russian History*, 8/3, 414–416.

Zarubin, N. N. (Comp.), Amosov, A. A. (Edit, comments), Shmidt, S. O. (Ed.). (1982). *Biblioteka Ivana Groznogo. Rekonstrukciya i bibliograficheskoe opisaniye* [Library of Ivan the Terrible. Reconstruction and bibliographical description]. Leningrad: Nauka.

Zimin, A. A. (1976). Vy’pis’ o vtorom brake Vasiliya III [Extract on the second marriage of Ivan III]. In *Trudy' Otdela drevnerusskoj literatury'* [Proceedings of the Department of the Old Russian literature]. (Vol. 30, p. 132–148).

Translated by Elena Galitsyna

The article was submitted on 30.04.2014

Даниель Уо

почетный профессор

США, Сиэтл

Вашингтонский университет

dwaugh@u.washington.edu

Daniel Waugh

Professor Emeritus

USA, Seattle

University of Washington

dwaugh@u.washington.edu